

Знахарка — эпизод 3 из 5

Купечески держа блюдце на растопыренных пальцах, Иваниха спрашивала: Что в городе говорят? Земли-то мужикам дадут ли? Глядите сердятся мужики. Сказал бы ты Голицыным-то, чего они? Девять лет судятся бесстыдно, а толку ни себе, ни людям. Мотают мужиков. Будто волю дали, а где она, воля?

Повесили мужиков над землей, толкуются они, как мошки, вот и вся воля.

Ее темное лицо с тряпичными щеками угнетающе безобразно. Кровавые глаза смотрят в блюдечко, на верхней губе шевелятся мокрые, белые усы, на шее, под левым ухом, волосатая бородавка. Иваниха грызет сахар, чмокает, и ничто, кроме высоко вспухшей груди, не напоминает в ней женщину.

Я осторожно выпрашиваю ее, как она била медведей, она отвечает неохотно и как бы нарочито углубляя глухой, ворчливый голос.

Сильна была. Меня, в те поры, только два мужика могли одолеть во всей округе. Кроме мужа. Да и мужа я поборола бы, только нельзя: муж. Шутя я его и борола, а всерьез нельзя, не смела этого. Тут у нас мужик лесной, крепкий.

Вспотев, она сняла платок с головы, и в жесткой гриве ее волос обнажились толстые, седые пряди. Вытерла платком иссеченное морщинами лицо и окутала им надломленную шею. Ладони рук ее были емки, точно ковши, пальцы же непрерывно шевелились, как бы разбирая, распутывая моток пряжи. Это было неприятно видеть. И вся Иваниха как-то нечеловечески тяжела.

О сороковом медведе она сказала:

Медведь-зверь богу служит, Кереметь на медведях в небе ездит, солнце возит. Солнце-то большое, с хороший пруд, тяжелое, все из чистого золота. Люди тоже богу нужны. Пчела служит человеку, человек богу. Кереметь сказал: Бей медведя, покуда я терплю, побьешь много солнце встанет, помни! Тогда пошлю на тебя сильного, он тебя убьет. Человек согласился: человеку скота жалко. Меды жалко, овсы. Медведь много портит.

Почесав концом ножа кожу на голове, она плюнула на ладонь и, пригладив слюною взбитые волосы, уставила в лицо мне свой мутный, подавляющий взгляд. Нос у нее широкий, ноздри вывернуты, как у верблюда.

Вот тебе, молодому, надо знать: баба есть такая, как сороковой медведь. С тремя любишься ничего, и с девятью ничего, а встанет на пути твоём четвертая, или там седьмая, и конец тебе. Приворожит, привяжет, кроме ее нет у тебя свету, будешь жить, как слепой. Это судьбинная баба, ее Кереметь в наказание посылает. Богу детей надо, людей. А когда одна голая игра, без детей, это он не любит. Не надо это ему...

Вы в церковь ходите? спросил я. Она как будто удивилась, отвечая угрюмо: Мы ходим. Зачем не ходить? У нас церковь хорошая, князьями строена. И поп хороший, умный. Его пчела любит. Мы тут смирно живем, хорошо. Леса округ. Котят влезли ей на колени, она сгребла огромной лапой своей двух, подняла зверьков к лицу, спросила:

Ну, что?

И, налив молока в свое блюдо, тут же, на столе, сунула им блюдечко, этого не сделала бы простая баба.

Лакайте. А третий где? Братишка?

Братишка грыз мой сапог, я поднял котенка и поставил его на стол.

Это вот умные звери, они никому не верят, сказала Иваниха. И память у них крепка: побей его, он это помнит. Через пять лет вспомнит, когда и не ждешь. А у людей память слаба: не помнят они, кто их бьет...

Сильно за вечерело, уже пригнали стадо, по улице шли мужики, плыли мимо окон косы, отражая красноватый заревой свет, в окна заглядывали бабы.

Ну, надо мне сходить в улицу, сказала Иваниха. Ты почто остановился у Мокеева? Эта семья несчастливая. Ты вдругорядь у меня остановись. Я заезжих люблю.

И, провожая меня за ворота, крикнула какой-то бабе:

Марь, ногу перевязала?

Ой, матушка, неколи...

Дура. Не тронь уж, я сама...

После ужина Мокеев, позвав меня на реку ставить верши, дорогой рассказал, что Иваниха еще недавно, лет десять тому назад, занималась обучением парней технике любви.

Пятак брала али фунт баранок, она баранки любит с анисом. Сначала смеялись над ней, после привыкли. А она ругалась. Дураки, кричит. Это у нее первое дело, дураком ругать. За лошадьми, кричит, следите, за коровами следите, скот жалеете, а девок не жалеете? Это она, пожалуй, верно кричала. Парни медведи, делу этому у собак, у скотов глазами учатся, а женятся и начнут девок зря ломать, ничего не умеют. Иной с первого разу жену испортит, а после бьет не сладка, не охоча...

Светила луна, в воздухе стоял густой, влажный запах свежескошенной травы.